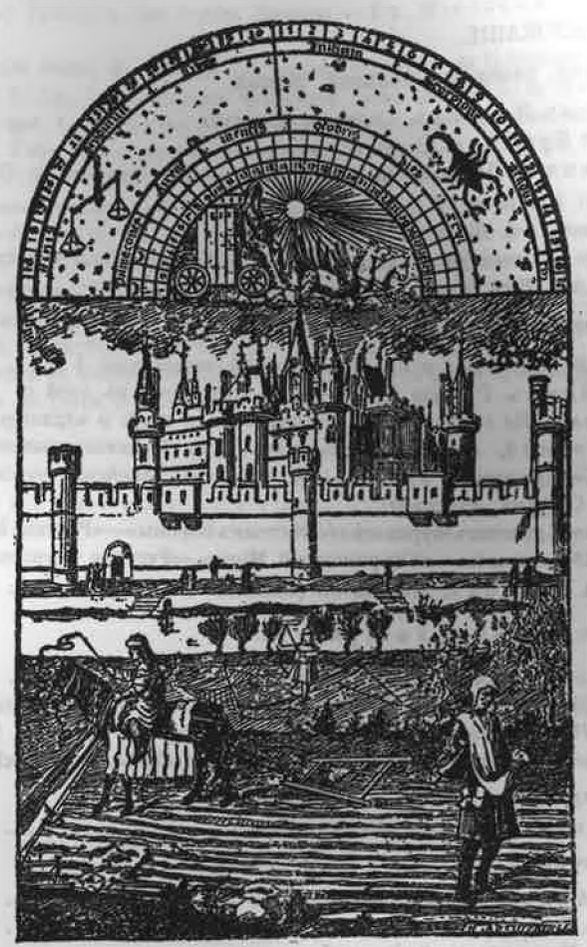
ВѢСЫ ◎ ФЕВРАЛЬ ◎ 1909.

La Balance. Février. 1909.

Годъ изданія шестой. Sixième année.



Книгоиздательство «СКОРПІОНЪ»
Москва, Театральная пл- д. Метрополь, кв, 23.
Moscou, Place du Théâtre, m. Métropole, 23.

«ВѢСЫ» ЕЖЕМѢСЯЧНИКЪ
ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.
ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТОЙ. 1909. N 2, ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи, разсказы, повѣсти, статьи.

Вячеславъ Ивановъ. Споръ. 9 сонетовъ 7
Валерій Брюсовъ. Стихотвореніе 16
М. Кузминъ. Подвиги Великаго Александра. Повѣсть въ IV книгахъ. Кн. III и IV 17
С. Позняковъ. Діалоги 34
І. Іенсенъ. Исчезнувшіе лѣса. Новелла. (Пер. Ю. Балтрушайтиса) . 39
Фр. Ницше. Ессе Homo. Отрывки. (Пер. Аврелія). 44

Литература. Русская литература.

А. Бѣлый. Настоящее и будущее русской литературы. I 59
И. Бороздинъ. Русская историческая литература въ 1908 г. . . . 69
Б. Бугаевъ. На перевалѣ. XII. Вейнингеръ о полѣ и характерѣ . . 77
Б. Садовской. Господа разсказчики (Танъ. Чукотскіе разсказы. — А. Серафимовичъ. Разсказы.—А. Свирскій. Еврейскіе разсказы.—Гр. О'Руркъ. Разсказы). 82
Ртух. Обзоръ русскихъ журналовъ («Вѣстникъ Европы»—«Русская Мысль» —«Образованіе»—«Современный Міръ»—«Русское Богатство»). 85
Валерій Брюсовъ. Письмо въ редакцію 89

Иностранная литература.

О. Бердеттъ. Новая книга о Бердслеѣ 90
Библіографія (P. Fons. La divinité quotidienne. — Weltgeschichte. Bd. IV-VI.—G. Hauptmann. Griechischer Frühling.—H. Bessemer. Sumpffieber.—P. Busson. Arme Gespenster.—G. Hirschfeld. Auf der Schaukal) 95

Искусства.

И. Грабарь. Московскія выставки. II. 103

Рисунки.

С. Судейкинъ. Катаніе зимой. 51
Его-же. Вѣтреный день 53
Его-же. Прогулка въ Лефортовѣ. 55
Обложка и фронтисписъ Н. Ѳеофилактова. Общій фронтисписъ—миніатюра XIV вѣка.

Объявленія.

СОДЕРЖАНІЕ.

SOMMAIRE.

Venceslas Ivanov, Valère Brussov. Poèmes. — M. Kouzmine. Les gestes d'Alexandre le Grand. (Fin. — S. Posnjakoff. Deux dialogues.—I. Iensen. Les Forêts disparus.— Fr. Nietzche. Ecce Homo. Fragments.

Littérature russe. A. Biely. Le present et l'avenir de la littérature russe.— E. Borozdine. La littérature historique russe en 1908. — B. Bougaeff. Otto Weininger. — B. Sadovskoi. MM. les conteurs. (Les recueils de contes de MM. Tahn, Séraphimovitch, Svirsky, Gr. O'Rurk). — Ptyx. Revue des revues.—Valère Brussov. Lettre à la rédaction.

Littérature étrangère. Osbert Burdett. Le livre de M-r R. Ross sur Aubrey Beardsley.—Bibliographie (Compte-rendus sur les livres nouveaux de MM. P. Fons, G. Hauptmann, H. Bessemer, P. Busson, G. Hirschfeld et sur les volumes IV VI de la «Weltgeschichte»).

Beaux arts. Igor Grabar. Les expositions d'art à Moscou.

Dessins. Trois dessins de Serge Soudeikine.

Couverture et frontispices par N. Théophilaktof f. Frontispice général —miniature du Livre d'Heures du duc de Berri.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція обращаетъ вниманіе читателей, что она не считаетъ возможнымъ стѣснять своихъ постоянныхъ сотрудниковъ въ высказываніи своихъ мнѣній, хотя бы они и не совпадали со взглядами редакціи. Поэтому, по отдѣльнымъ, частнымъ вопросамъ и при оцѣнкѣ различныхъ частныхъ явленій, на страницахъ журнала возможно появленіе сужденій, рѣзко противорѣчивыхъ. Разумѣется, это не касается основныхъ взглядовъ редакціи, опредѣляющихъ все направленіе журнала: въ числѣ своихъ сотрудниковъ редакція можетъ считать только лицъ, этимъ взглядамъ не враждебныхъ.

*

Рукописи, доставленныя въ редакцію, какого бы онѣ размѣра ни были, ни въ какомъ случаѣ не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какую переписку не вступаетъ, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Лица, не получившія, въ теченіе 3 мѣсяцевъ, извѣщенія, что доставленныя ими произведенія будутъ помѣщены въ журналѣ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

*

Въ дополненіе къ помѣщенному на стр. 89 письму Валерія Брюсова редакція «Вѣсовъ» считаетъ своимъ долгомъ заявить, что съ 1-го января 1909 г. фактическое редактированіе журнала принялъ на себя комитетъ, въ составъ котораго вошли редакторъ-издатель и ближайшіе сотрудники журнала, находящіеся въ данный моментъ въ Москвѣ.

ТИПОГРАФІЯ О-ВА Р. П. КН. ПРЕЕМНИКЪ В. И. ВОРОНОВЪ. МОСКВА, МОХОВАЯ, Д. КН. ГАГАРИНА.

Стихи, разсказы, повѣсти, драмы

ИЗЪ КНИГИ «ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ».

Посв. памяти Л. Д. Зиновьевой-Аннибалъ.

СПОРЪ.

Циклъ сонетовъ.

I.

Явила Смерть мнѣ свѣтлый обликъ свой
И голосомъ умильнымъ говорила:
„Не въ нектаръ ли, не въ нѣгу ль растворила
Я горечь солнцъ усладной синевой?

„Зной жадныхъ жалъ, ядъ желчи огневой
Не милостью ль охладной умирила?
И жатвой новь я, жница, одарила;
И жаръ любви—мой даръ душѣ живой.

„Безсмертія томительное бремя
Не я ль сняла и вамъ дала, взамѣнъ,
Отрадныхъ смѣнъ свершительное Время?

„Узнай вождя творящихъ перемѣнъ,
Мой сѣвъ и плѣнъ — зиждительное племя!—
Въ ключарницѣ твоихъ темничныхъ стѣнъ“.

II.

И съ гнѣвомъ я Небесной прекословилъ:
„Когда бъ, о Смерть, была любовь твой даръ,
То и въ огнѣ бы лютомъ вѣчныхъ каръ,
Кто здѣсь любилъ, законъ твой славословилъ.

„Но если Рокъ сердецъ блаженный жаръ
Возмездіемъ разлуки предусловилъ,—
Разлучница! иной, чѣмъ ты, готовилъ
Архитриклинъ кратэры брачныхъ чаръ.

„Богъ-Эросъ, жезлъ переломивъ колѣномъ
И двѣ судьбы въ единый слитокъ сливъ,
Летитъ другихъ вязать веселымъ вѣномъ.

„А къ тѣмъ, какъ тать, въ вѣнкѣ сѣдыхъ оливъ,
Подходишь ты и вѣешь тонкимъ тлѣномъ,
И не покинешь ихъ—не раздѣливъ“.

III.

Мнѣ Смерть въ отвѣтъ: „Клянусь твоимъ оболомъ,
Что ты мнѣ дашь: не лгутъ уста мои.
Ядъ страстныхъ жилъ въ тебѣ—мои струи;
И богъ-пчела язвитъ моимъ уколомъ.

„Ты былъ единъ; но самъ, своимъ расколомъ,
Звалъ Смерть въ эдемъ исполненной любви.
Ты сталъ четой: пожаръ поплылъ въ крови;
Томится полъ, смѣситься алчетъ съ поломъ.

„Но каждое лобзаніе тебя
Въ тебѣ самомъ, какъ мужа, утверждаетъ;
И быть жрецомъ ты обреченъ, любя.

„А жертвы месть убійцу побѣждаетъ...
Такъ страждетъ Страсть, единое дробя:
Мой мирный мечъ—Любовь освобождаетъ“.

Шоломомъ Ашемъ и г. Свирскимъ та, что первый изъ нихъ хотя и некрупный по таланту, но все же художникъ, умѣющій отнестись къ своему народу безпристрастно, не затушевывая умышленно его комическихъ и неприглядныхъ сторонъ. Господинъ же Свирскій упорно хочетъ во что бы то ни стало превознести отмѣнныя качества евреевъ, видя въ нихъ только одни достоинства и никакихъ недостатковъ. На протяженіи почти двухсотъ страницъ г. Свирскій утомительно описываетъ религіозность, трудолюбіе и честность своихъ героевъ.

Издавать подобныя книги имѣло бы смыслъ, если бы безсодержательность ихъ искупалась оригинальной формой. Но языкъ г. Свирскаго, въ противоположность сусально-пряничной крикливой внѣшности самой книги, сѣръ и безцвѣтенъ.

Появленіе разсказовъ г. Тана еще можно оправдать этнографическимъ интересомъ къ изслѣдованію чукотскаго быта; разсказы г. Серафимовича могутъ имѣть значеніе въ качествѣ первой попытки къ составленію лексикона крѣпкихъ словъ; за разсказами г. Свирскаго то преимущество, что они возбуждаютъ сочувствіе къ еврейскому народу. Но существованіе цѣлой книги разсказовъ Гр. О'Рурка не можетъ быть оправдано рѣшительно ничѣмъ. Это — довольно красиво изданный томъ въ двѣсти безъ малаго страницъ большого формата, на которыхъ умѣстилось семь чрезвычайно растянутыхъ, дѣтски-наивныхъ разсказовъ, безъ малѣйшаго признака художественности. Разсказы Гр. О'Рурка напоминаютъ тетрадки ученическихъ „домашнихъ сочиненій", заслуживающихъ едва посреднаго балла. Всѣ разсказы, за исключеніемъ перваго, написаны на старыя чеховскія темы, причемъ сюжетъ, который у Чехова занялъ бы нѣсколько страницъ, Гр. О'Руркъ размазываетъ чуть не на четырехъ печатныхъ листахъ („Въ деревнѣ"). Чтобы судить о достоинствѣ стиля Гр. О'Рурка, довольно привести классическую фразу: „Она полулежала на короткой кушеткѣ съ томикомъ новѣйшаго французскаго романа" (стр. 111). Въ общемъ же, изъ чтенія книги О'Рурка мы не вынесли ровно ничего: она совершенно пуста.

Борисъ Садовской.

(„Вѣстникъ Европы". Январь—февраль.—„Русская Мысль". Январь.—„Образованіе". Январь.—„Современный Міръ". Январь.—„Русское Богатство". Январь).

Въ двухъ первыхъ книжкахъ „Вѣстника Европы", и при новой редакціи продолжающаго выходить съ неизмѣнною аккуратностью каждое первое число, наиболѣе привлекаетъ вниманіе историко-литературный отдѣлъ. Такъ, въ февральской книжкѣ помѣщена цѣнная по содержанію статья М. О. Гершензона „Пушкинъ и гр. Е. К. Воронцова". М. Гершензонъ опровергаетъ прочно установившееся въ пушкинской литературѣ мнѣніе о связи Пушкина съ гр. Воронцовой. Стихотворенія: „Сожженное письмо", „Ненастный день потухъ", „Желаніе славы" и „Все кончено", по мнѣнію г. Гершензона, подтверждаемому историческими справками, никакъ не могутъ относиться къ Воронцовой: ихъ внушила Пушкину взаимная любовь къ другой женщинѣ, оставшейся для насъ неизвѣстной, и скрытой въ извѣстномъ „донжуанскомъ" спискѣ привязанностей Пушкина подъ буквами NN. Далѣе, г. Гершензону, на основаніи письма Н. Н. Раевскаго къ императору Александру I, удается доказать, что причиною высылки Пушкина изъ Одессы послужила месть гр. М. С. Воронцова, имѣвшая источникомъ ничѣмъ неоправдываемую ревность.

Изъ матеріаловъ чисто-историческаго характера интересны также письма К. Д. Кавелина къ гр. Д. А. Милютину за 1882—1884 гг. Тогда гр. Милютинъ только что вышелъ въ отставку, уступивъ постъ военнаго министра П. С. Ванновскому: Кавелинъ же занималъ мѣсто профессора Военно-Юридической Академіи. Новыя политическія вѣянія, сопровождавшія воцареніе императора Александра III, близко затрагиваютъ Кавелина, негодующаго, главнымъ образомъ, на полную, по его мнѣнію, несостоятельность высшихъ государственныхъ сановниковъ. Въ особенности достается Побѣдоносцеву и Игнатьеву, а изъ публицистовъ—Аксакову и Каткову.

Въ январьской книжкѣ продолжаются „Отрывки изъ воспоминаній" А. Ѳ. Кони, интереснѣйшая часть которыхъ (о Тургеневѣ, Некрасовѣ, Достоевскомъ) была напечатана въ прошломъ году. Въ настоящемъ отрывкѣ г. Кони ярко изображаетъ медовый мѣсяцъ судебныхъ реформъ въ шестидесятыхъ годахъ и необычайную популярность только что возникшаго тогда мирового суда. Художественно-

увлекательное изложеніе воспоминаній оживлено любопытными разсказами о характерныхъ встрѣчахъ и знакомствахъ.

Беллетристическій отдѣлъ журнала — попрежнему неудовлетворителенъ. Кромѣ неутомимаго г. Баранцевича и „крестьянина“ С. Семенова, изъ которыхъ каждый далъ по одному незначительному разсказцу на обычныя для этихъ писателей темы, въ январьской книжкѣ нѣкто г. Сургучевъ выступилъ съ моднымъ разсказомъ о террористкѣ. Къ сожалѣнію, и этотъ разсказъ („Сосѣдка“) не возвышается надъ уровнемъ посредственности. Изъ рукъ вонъ плохи гг. Доброхотовъ и Гальперинъ, выступившіе въ роли „поэтовъ“.

Новой редакціи почтеннаго журнала слѣдуетъ или совершенно изгнать беллетристику и обратиться въ историческій ежемѣсячникъ, на подобіе „Русской Старины“, или освѣжить журналъ притокомъ молодыхъ, подлинныхъ силъ, хотя бы для этого пришлось пожертвовать полуковѣковыми традиціями, установленными въ немъ М. М. Стасюлевичемъ.

—

„Русская Мысль“ въ новомъ году предстала передъ публикой въ окончательно преображенномъ видѣ. Въ первой книжкѣ ея приняли участіе наиболѣе видные представители современной литературы. Здѣсь мы встрѣчаемъ рядъ прекрасныхъ стихотвореній, изъ которыхъ надо отмѣтить подписанныя именами Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, Андрея Бѣлаго и С. Соловьева.

Едва ли не самымъ интереснымъ явленіемъ текущей беллетристики надо признать повѣсть г. В. Ропшина „Конь блѣдный“, изображающую трагическій ужасъ жизни террориста. Художественная сторона повѣсти, напоминающая слегка манеру З. Гиппіусъ, почти безукоризненна: роковое тяготѣніе къ неизбѣжности, какъ туча, виситъ надъ каждой страницей. Герой повѣсти, Жоржъ, равнодушно убивающій и посылающій на смерть людей во имя своей идеи, радовался убійству, какъ жизни и любви. И, только убивъ *для себя* мужа любимой женщины, сразу понялъ весь ужасъ убійства. Душа его навѣки опустошена, и вотъ онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ, въ формѣ котораго ведется повѣсть, слѣдующее: „Проклятъ міръ и опустѣлъ для меня въ одинъ часъ: все ложь и суета“. На другой день онъ находитъ окончательное рѣшеніе: „Когда звѣзды зажгутся, упадетъ осенняя ночь, я скажу мое послѣднее слово: мой револьверъ со мною“.

Въ „Письмахъ А. П. Чехова къ А. И. Эртелю“, умѣстившихся всего на четырехъ страницахъ и въ общемъ довольно безсодержательныхъ, заслуживаетъ вниманія простой отзывъ о Толстомъ, относящійся къ апрѣлю 1897 г. Толстой тогда только что собирался писать „Что такое искусство“ и говорилъ о своей книгѣ съ Чеховымъ:

„Мысль у него не новая; ее на разные лады повторяли всѣ умные старики во всѣ вѣка. Всегда старики склонны были видѣть конецъ міра и говорили, что нравственность пала до nec plus ultra, что искусство измельчало, износилось, что люди ослабѣли и проч. и проч.“

Толстому же посвящена статья Л. Шестова „Разрушающій и созидающій міры“, написанная съ присущею этому мыслителю оригинальностью и глубиной.

—

„Образованіе“, такъ и не собравшееся въ прошломъ году ни умереть, ни воскреснуть, а только переходившее подъ разными флагами изъ рукъ въ руки, съ новаго года выбрало себѣ, наконецъ, прочную позицію. Новое „Образованіе“, взародившееся по манію г. Дм. Карышева въ травяно-желтой пухло-водянистой обложкѣ, рѣшило попытать счастья на поприщѣ солидной добродѣтели, и превратилось въ самый заурядный „толстый“ журналъ добраго стараго времени. Составъ сотрудниковъ умиляетъ своимъ благонравіемъ. О-бокъ съ ватагой приватъ-доцентовъ, въ изобиліи поставляющихъ ученый матеріалъ для пополненія листовъ, отведенныхъ популярно-научному отдѣлу, помѣщаются маститые оракулы, гг. Боборыкинъ и Градовскій; въ качествѣ свадебныхъ „генераловъ“ на обложкѣ красуются гг. Андреевъ и Купринъ, а изъ-за популярныхъ знаньевцевъ второго разряда выглядываютъ „изумившіе міръ злодѣйствомъ“ гг. Арцыбашевъ, Каменскій, Сергѣевъ-Ценскій, создавшіе почетную славу старому „Образованію“ и которыхъ за ихъ прежнія заслуги нельзя же такъ-таки сразу и прогнать.

Январьскую книжку „Образованія“ открываетъ неизмѣнный и постоянный г. Тимковскій, разсказавшій на этотъ разъ анекдотъ объ „Обывателѣ“, заѣденномъ средой. Убѣдившись, что даже жена и дочь „принципіально“ противъ него, несчастный обыватель залѣзаетъ подъ столъ, откуда, разумѣется, остается прямой выходъ въ сумасшедшій домъ. Свирѣпый разсказъ г-жи Санжаръ, „Записки Анны“ представляетъ собою хитро-сплетенное дамское кружево въ стилѣ модернъ, съ дешевыми психологическими штучками и фокусами.

Г-жа Щепкина-Куперникъ простидизовала еще одну исторійку о королевѣ и рыцарѣ; единственное достоинство ея „новеллы“—сравнительная краткость.

Стихотворенія неизвѣстныхъ авторовъ, благоразумно прикрывшихся иниціалами, безнадежно плохи. Заслуженная поэтесса, г-жа Галина (въ „Образованіи“—все дамы!), ударившись въ „чистую“ поэзію, немногимъ превосходитъ своихъ коллегъ въ неправдоподобномъ описаніи зимней ночи, съ „брилліантами на снѣгу“, украденными у Фета.

Повидимому, „Образованію“ предстоятъ два пути: или превратиться въ подновленную копію съ „Русскаго Богатства“, если только такіе обозрѣватели, какъ г. Альфъ, не подорвутъ въ конецъ репутаціи журнала, или, что вѣроятнѣе, перемѣнивъ въ недалекомъ будущемъ еще нѣсколько флаговъ, мирно окончить свои дни.

—

Въ „Современномъ Мірѣ“ началась печататься сумбурная повѣсть г. Вересаева все на ту же, ставшую модной, тему о террористахъ и агитаторахъ. Но думается, что г. Вересаеву съ его данными лучше бы было совсѣмъ не браться за такой деликатный сюжетъ. Даже г. Сургучевъ изъ „Вѣстника Европы“ сумѣлъ отнестись къ этой темѣ объективно, не говоря уже о г. Ропшинѣ, давшемъ чисто художественное произведеніе. Въ повѣсти же г. Вересаева „Къ жизни“ (заглавіе такъ же бѣдно, какъ и слогъ) все время чувствуется почтительное восхищеніе смирнаго ка-дета передъ отвагой и всемогуществомъ „пролетаріата“. Въ общемъ, новая повѣсть г. Вересаева производитъ жалкое впечатлѣніе полнаго художественнаго безсилія.

Г. Танъ продолжаетъ обирать несчастныхъ чукчей. Но на этотъ разъ, при всемъ его стараніи, ему не удалось написать болѣе одиннадцати страницъ.

За то другой сотрудникъ „Современнаго Міра“, г. Киппенъ въ разсказѣ „На берегу залива“ попытался дать описаніе чухонскаго житья-бытья. Отъ души желаемъ полнаго успѣха начинающему этнографу, тѣмъ болѣе, русскій бытъ ему совсѣмъ не удается, что онъ блестяще доказалъ своимъ прошлогоднимъ разсказомъ „На перекатѣ“.

Стихотворный отдѣлъ въ первой книжкѣ „Современнаго Міра“ представленъ слабо. Риѳмованную окрошку г. Андрусона мудрено считать стихами. Назовемъ еще товарищеское стихотвореніе г. Тарасова и восемь строчекъ г. Бунина, въ которыхъ единственный образъ „стоцвѣтный хвостъ павлина“, къ сожалѣнію, заимствованъ цѣликомъ у Брюсова.

—

О первой книжкѣ „Русскаго Богатства“ заставляетъ говорить разсказъ г. С. Кондурушкина „Безъ береговъ“. По внѣшности, разсказъ выполненъ почти безукоризненно; въ немъ чувствуется присутствіе нашедшаго собственное выраженіе паѳоса, что̀ большая рѣдкость въ наше время. Г. Кондурушкинъ благополучно миновалъ какъ Сциллу новаго истерическаго реализма, такъ и Харибду эффектнодешеваго модернизма, но въ общемъ разсказъ испорченъ бьющей въ глаза темой „человѣкъ-звѣрь“. Навязчиво подчеркиваемая авторомъ, она нарушаетъ художественность, и неудивительно, что, невыдержанный въ цѣломъ, разсказъ расползается отъ этого по всѣмъ швамъ.

Р т у.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Дорогой Сергѣй Александровичъ!

Какъ Вамъ извѣстно, въ печати нѣсколько разъ появлялось утвержденіе, что на „Вѣсы“ должно смотрѣть какъ на „журналъ Валерія Брюсова“. Я, съ своей стороны, также нѣсколько разъ, заявлялъ печатно, что такое утвержденіе несправедливо (см., напр., мое письмо въ редакцію „Нозаго Времени“, 12 марта 1908 г.). Однако, въ послѣдней книгѣ Д. Мережковскаго „Въ тихомъ омутѣ“ я вновь читаю (стр. 101): „Вѣсы—журналъ Брюсова“, и принужденъ, поэтому, просить Васъ напечатать на страницахъ самыхъ „Вѣсовъ“ слѣдующія строки:

Будучи въ теченіе пяти лѣтъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ „Вѣсовъ“, я охотно принималъ участіе въ обсужденіи нѣкоторыхъ редакціонныхъ вопросовъ, а также, по порученію редакціи, вступалъ иногда въ переписку съ отдѣльными сотрудниками журнала. Черезъ это мои личные взгляды могли до извѣстной степени вліять на общій характеръ „Вѣсовъ“, но отсюда еще далеко до признанія ихъ „моимъ журналомъ“. Я рѣшительно не могу принять на себя отвѣтственности за „Вѣсы“ въ ихъ цѣломъ, какъ, съ другой стороны, долженъ отклонить отъ себя честь — считаться ихъ создателемъ и руководителемъ.

Съ января 1909 г. обстоятельства личной моей жизни и разныя предпринятыя мною работы заставляютъ меня нѣсколько видоизмѣнить мои отношенія къ „Вѣсамъ“. Надѣясь быть, попрежнему, дѣятельнымъ сотрудникомъ „Вѣсовъ“, я, вѣроятно, не буду имѣть возможности содѣйствовать журналу какъ-либо иначе. Поэтому, съ тѣмъ большей настойчивостью, я прошу гг. критиковъ не возлагать на меня, съ января 1909 г., отвѣтственности за статьи, напечатанныя въ „Вѣсахъ“ не за моей подписью. Я отвѣчаю за нихъ лишь постольку, поскольку вообще сотрудникъ одного журнала отвѣчаетъ за сужденія своихъ сотоварищей, и во всякомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ другіе постоянные сотрудники „Вѣсовъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я прошу лицъ, имѣющихъ дѣло къ редакціи „Вѣсовъ“, обращаться съ письмами непосредственно къ ней, такъ какъ я подобныя письма принужденъ буду оставлять безъ отвѣта.

Я очень прошу Васъ, дорогой Сергѣй Александровичъ, эти мои строки, для меня весьма важныя, помѣстить въ ближайшемъ № „Вѣсовъ“.

Дружески Вамъ преданный

Валерій Брюсовъ.

Петербургъ, 1 марта 1909 г.